ИЗВЕСТИЯ РАН. СЕРИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ, 2013, № 2, с. 7–18

ТЕОРИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ГЕОГРАФИИ

УДК 911.3

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ КАК ВЕДУЩЕГО ЭКСПОРТЕРА НА ГЛОБАЛЬНЫХ СЫРЬЕВЫХ РЫНКАХ

© 2013 г. А.Б. Савченко

Центр ситуационного мониторинга и региональных исследований РАНХ и ГС при Президенте Российской Федерации

Поступила в редакцию 26.06. 2012 г.

Рассматривается влияние участия России в глобальных сырьевых рынках на ее территориальное развитие. Дается обзор четырехсотлетнего периода, на протяжении которого в XVII в. для нашей страны особенно значим был экспорт мехов, в XVIII в. – "корабельных товаров", в XIX в. к ним добавился экспорт хлеба, а также золота, в XX веке – золота, а позже нефти и газа. Показано, что с поставками этих товаров на мировые рынки были связаны последовательные волны освоения территории и урбанизации страны. Выделены четыре крупнейших историко-географических макрорегиона России, в которых ход урбанизации и эволюция территориальных структур хозяйства во многом были обусловлены их участием в глобальных сырьевых рынках в те века.

Постановка проблемы. В территориальном развитии (далее ТР) России участие в глобальных сырьевых рынках, определявших характер мировой экономики соответствующей эпохи, имело важнейшее значение. Это влияние часто не было прямым, а носило опосредованный характер, но в целом играло решающую роль. *Нынешняя территория российского государства и сеть его городов во многом были сформированы под влиянием участия России в последние четыре столетия в глобальных сырьевых рынках.* Решающую роль сыграли те глобальные рынки, в которых Россия выступала в соответствующую эпоху признанным ведущим поставщиком экспортной продукции – в XVII в. это были меха, в XVIII в. – "корабельные товары" (сырье и полуфабрикаты, необходимые для снаряжения парусного корабля – от пеньковых канатов до полосового железа, от мачтового леса до полотна для парусов), в XIX в. к ним добавился хлеб, а также золото, в XX в. – золото, а позже нефть и газ, в то время как с глобального хлебного рынка Россия ушла. С обеспечением участия в этих сырьевых рынках можно связать последовательные волны освоения территории и урбанизации нашей страны.

XVII в. – территориальное развитие России как экспортера мехов. *Насущные задачи России в XVII в. – строительство мощного государства, укрепление его администрации, противостояние военным угрозам с запада и юга, формирование единого внутреннего рынка – требовали возрастающих объемов металлических денег, серебра и золота.* Их достаточное поступление становилось вопросом выживания государства и общества, а источником этих средств тогда могло быть только положительное сальдо во внешней торговле. Выявить залежи драгоценных металлов в России в XVII в. не удалось, несмотря на интенсивные поиски, в том числе на новых осваиваемых землях Урала и Сибири. В целях расширения базы фискальных доходов государство, даже проводя последовательную политику закрепощения крестьян, отдавало предпочтение оброку, а не барщине (в отличие от соседней Польши). Тем самым крестьянство и в крепостном состоянии вовлекалось в массовых масштабах в рыночные обмены, что стимулировало его участие в промыслах, ремесле, торговле и обеспечивало своеобразные условия становления оживленного внутреннего рынка.

Потеря с начала XVII в. выхода к Балтике не прервала торговлю с Европой полностью; в поставках через Ригу, Нарву, Ревель русского зерна (дефицит которого нарастал и в Северной, и в Южной Европе в связи с Тридцатилетней войной, бурным развитием мануфактурного производства, колониальной экспансией), а также конопли для корабельных канатов были заинтересованы, прежде всего, голландцы, тогдашний экономический лидер. Торговля с Нидерландами (и остальной Европой) приносила России многие сотни тысяч

рискдалеров в год, однако ее каналы были узки и ненадежны. Обмены с Югом и Востоком, осуществлявшиеся преимущественно через Астрахань, по балансу тоже положительные, были по объему больше европейских, имели более широкую номенклатуру и выгодную для России товарную структуру, но приносили драгоценные металлы в основном в форме ювелирных изделий [1].

Западная Европа оставалась единственным источником денежного серебра, остро необходимых технологий металлургии и металлообработки, производства стекла, бумаги и ряда других товаров. А единственным портом для связей с Западом был Архангельск, с его непродолжительной навигацией и неудобным географическим положением по отношению как к Европе, так и к основным экономическим центрам России (кроме Севера и прилегающих к нему районов Нечерноземья). Чтобы компенсировать эти недостатки географического положения главного порта, а также малую грузоподъемность проходивших через него судов, в товарообороте должны были преобладать необъемные, но ценные и высоколиквидные продукты. Корабельных товаров, даже самых ценных – канатов, скипидара, дегтя и т.п. – было явно недостаточно, а зерно не отвечало таким требованиям. Его место заняла пушнина – традиционный товар русского экспорта со времен "пути из варяг в греки". Экономический подъем и развитие буржуазного класса сделали спрос на меха в Западной Европе в XVII в. массовым, и его предложение стало глобальным. Меха в Европу стали поступать из Северной Америки от французов, а Россия устремилась за пушниной в Сибирь [1].

Своевременно воспользовавшись благоприятной конъюнктурой этого глобального рынка, Россия за полвека достигла Тихого океана и благодаря быстрому освоению пушных богатств громадной "нехоженой" земли стала крупнейшим по территории государством. Предпосылкой его столь быстрого расширения на восток и северо-восток стала геополитическая "пустота" в полосе освоения. Продвижение на юго-восток Сибири приостановилось на линии Амура и его притоков, войдя в соприкосновение с Китайской (Маньчжурской) империей.

В XVII в. Москва четко осознавала необходимость и приоритетность задач "пушного освоения" Сибири. Стремясь задействовать все доступные внутренние ресурсы и консолидировать интересы участников освоения, государство строило и поддерживало опорные пункты усилиями служилых людей, а хозяйственную деятельность на обширных прилегающих пространствах вели купцы и предприниматели. Дальние походы в неведомые земли зачастую были результатом взаимодействия тех и других со значительным финансовым участием богатейших купцов-*гостей*. Основная конечная цель этих походов была всегда одна – получение ясака в виде "мягкой рухляди" и освоение новых районов пушного промысла. На протяжении всего XVII в. опорой государства в этих делах был крупный национальный капитал гостей – 20–30 купцов, имевших разнообразные общенациональные предприятия и интересы и способных к проведению операций с длительным, многолетним оборотом средств – внешнеторговых и связанных с освоением новых территорий.

Пройти за полвека огромное пространство от Урала до Тихого океана позволило наличие в стране уникального, веками накопленного комплекса технологий преодоления лесной пересеченной местности по рекам и волокам, навыков ледового каботажного плавания, жизнеобеспечения (выживания) в суровых условиях Севера, быстрой постановки сложных деревянных построек, включая остроги. Этот комплекс обеспечивал как быстрое продвижение, так и закрепление колонистов на неосвоенной территории. Крайне важным оказалось то, что суда и постройки быстро создавались минимальным набором инструментов из подручных местных материалов, причем такими навыками обладали массы населения, особенно поморов, составивших костяк первопроходцев.

Сибирский острог XVII в. – центр "объясачивания" местного населения, сбора пушнины государством, торговли ею и промысла пушного зверя первопроходцами – был типовым элементом территориальной структуры освоения Сибири наряду с водными путями. Поэтому вовлечение зауральских земель в пушной промысел ради сбыта этой продукции на глобальном рынке, динамику освоения новых территорий можно проследить по датам основания острогов в бассейнах сибирских рек.

В первый же год XVII в. волна освоения вышла за пределы Обско-Иртышского бассейна: в низовьях Таза в 1601 г. была основана Мангазея, "златокипящий" центр богатейшего промыслового района первой половины столетия. Его естественным восточным продолжением на Енисей в 1607 г. стал Туруханск. Движение вверх по Оби закрепилось основанием в 1604 г. Томска. В следующие два десятилетия было освоено среднее течение Енисея, основаны Енисейск в 1618 г. и Красноярск в 1628 г., разведаны пути по его правым притокам к Лене. Базой освоения ее бассейна

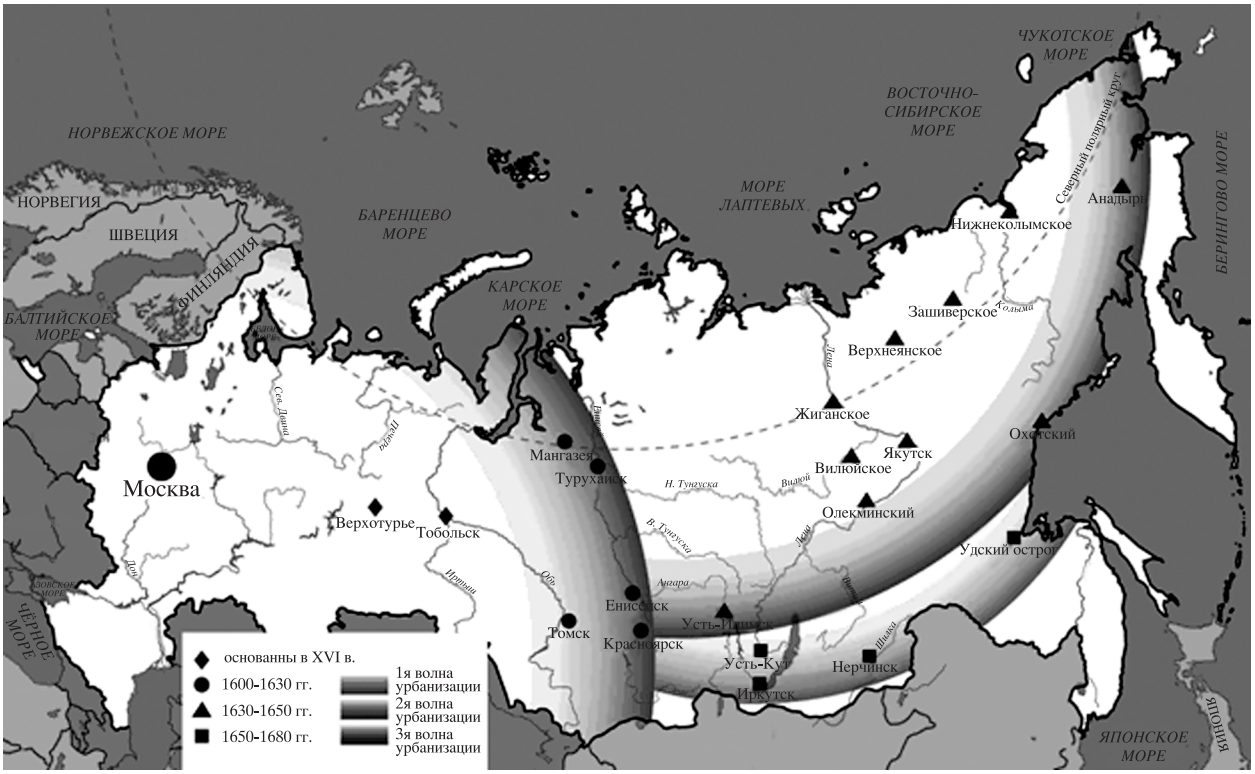

Рис. 1. "Меховая" волна территориального развития России в XVII в.

с юга стал заложенный в 1630 г. на одноименном притоке Ангары Илимский острог.

В 1630-х гг. настало время освоения бассейнов Лены, Яны, Индигирки. Якутский острог в среднем течении Лены и Жиганский в нижнем начали строить в 1632 г., Вилюйский на одноименной реке – в 1634 г., Олекминский острог на Витиме – в 1635 г. Опорные пункты "шагали" дальше на восток: Верхоянское зимовье казаки поставили в 1638 г. на Яне, Зашиверское в 1639 г. – на средней Индигирке. В 1640-е гг. пришла очередь Колымы (1644 г. – Нижнеколымское), Охотского моря (1646 г. – Охотск), Чукотки (1649 г. – Анадырь). Затем волна освоения повернула на юг – Иркутск на Ангаре был основан в 1652 г., Нерчинск на Шилке – в 1654. Однако ряд заложенных тогда и немного позже острогов на Амуре пришлось временно оставить по Нерчинскому договору 1689 г. с Циньской империей. В 1679 г. возник второй опорный пункт России близ Охотского моря – Удский острог.

Таким образом, к 1690 г. первая волна ТР России под воздействием глобальных рынков достигла своих пределов – физико-географических на севере и востоке, геополитических на юго-востоке (см. рис. 1). Одновременно на западе, у истоков колонизации Сибири, стал ощущаться и биогеографический (сырьевой) предел – в 1672 г. по царскому приказу Мангазея была покинута, ее гарнизон переведен в Туруханск. Хищнический промысел привел к полному оскудению угодий, которые в середине века были так продуктивны.

XVIII в. – территориальное развитие России как экспортера "корабельных товаров". *На базе достижений XVII в., обусловленных оперативным использованием конъюнктуры глобального рынка мехов, оплатой технологического трансферта в индустрии и военном деле доходами от пушного экспорта, ростом товарно-денежного обмена и формированием единого внутреннего рынка благодаря регулярному поступлению из-за границы серебра, окрепшее Российское государство поставило и решило в XVIII в. задачу возвращения выходов к Балтийскому и Черному морям как окнам внешней торговли.*

История распорядилась так, что каналом внешнеэкономических связей страны Балтика стала с начала XVIII столетия, а Черное море смогло играть эту роль лишь к его исходу. Это обстоятельство повлияло на участие России в тогдашних глобальных рынках и на ТР страны. До последней четверти столетия лучшие черноземные районы по Дону, Кубани, Днепру и Южному Бугу либо не входили в состав государства, либо не были должным образом освоены, либо не имели выходов к портам и не могли служить базой экспорта зерна.

Кроме того, отношения с Турцией нормализовались до уровня, обеспечивающего бесперебойную торговлю со Средиземноморьем, только к самому концу века. Поэтому начало массового экспорта зерна с южных земель Российской империи и через черноморские и азовские порты приходится только на начало следующего, XIX в.

Зато в хинтерланд обретенных балтийских портов, особенно после открытия в 1709 г. Вышневолоцкого канала между Мстой и Тверцой, попали обширнейшие территории Нечерноземья до Волги, Камы и Урала. Это давало возможность массового экспорта тамошних продуктов, среди которых преобладали "корабельные товары". В XVIII в. спрос на них рос – то был век океанского парусного флота, дальних сообщений и торговли, что предопределило превращение рынка корабельных товаров в глобальный.

К исходу века, в 1793–1795 гг. ведущими статьями русского экспорта (в порядке убывания стоимости) были следующие сырьевые товары: 1) пенька и пакля, 2) лен и пакля, 3) железо полосовое, сортовое, обделанное, 4) сало, 5) льняные и пеньковые ткани, 6) рожь, пшеница, ячмень, мука, 7) юфть и кожи, 8) лесной товар, 9) семя льняное и конопляное, 10) грубые полотна [3]. В этом перечне заметно преобладают корабельные товары и сырье для их производства, из перечисленных позиций к ним не относятся только сало (4), зерно, где на первом месте рожь, тоже продукт Нечерноземья (6), и юфть (часть позиции 7). Железо и полотно – продукты мануфактурного производства – стали экспортными товарами уже в конце правления Петра I. Основным потребителем российских корабельных товаров была Англия, ставшая "владычицей морей" в результате войны за Испанское наследство против Франции и Испании в 1701–1713 гг., одновременной с Северной войной России против Швеции – стратегического союзника Франции.

В результате петровских преобразований дворянство окончательно сменило боярство как правящий класс. Именно на него, а уже не на купцов-гостей государство опиралось в своем развитии, в том числе территориальном. С оглядкой на дворянские интересы в течение всего XVIII в. проводилась экономическая политика, которую можно назвать крепостническим меркантилизмом. Эта политика включала три направления: регулирование внешней торговли для обеспечения активного торгового баланса; поощрение горной промышленности, особенно для пополнения запаса драгоценных металлов; поощрение мануфактур, в том числе с целью сокращения импорта. При этом промышленный подъем и положительное сальдо внешней торговли достигались за счет торможения капиталистических и усиления крепостнических тенденций – распространения барщины в Черноземной зоне и вотчинных мануфактур в Нечерноземье. В итоге, при очевидных успехах в производстве и экспорте сырья и материалов, слабое развитие получили предпринимательские, купеческо-промышленные секторы – финансовый, биржевая и "заморская" торговля, торговое мореплавание и судостроение, производство готовых изделий для экспорта.

В XVIII в. быстрые изменения территориальной структуры как следствие выхода на рынки корабельных товаров и зерна коснулись многих отраслей, районов и центров (рис. 2). Менялось соотношение основных портов. Петербург, основанный в 1703 г., уже в 1726 г. обеспечивал вдесятеро больший внешнеторговый оборот, чем Архангельск – прежде единственный вывозной порт. Всего за четверть века произошла полная переориентация экспортных грузопотоков с Белого моря на Балтику, где, наряду с Петербургом, свою роль играли Рига и Ревель.

Быстро росла промышленность, изменилась ее территориальная структура. Началось точечное промышленное освоение Зауралья. Уже в 1700-х гг. на Колывановских заводах Алтая и в районе Нерчинска в Забайкалье началась попутная добыча драгоценных металлов. В 1735 г. Московско-Сибирский тракт соединил Нерчинск с Центральной Россией. На протяжении всего XVIII в. золото добывали только из коренных месторождений или попутно извлекали при добыче меди и серебра. Главный центр золотодобычи сложился к середине века на Урале [12].

Волны ТР, связанные с черной металлургией, расходились в разных направлениях от Московского ядра. С начала века промышленный Центр расширялся на юг за счет создания Липецких заводов. Одновременно Петровский, Повенецкий и Кончезерский заводы в Карелии (а также Олонецкая и Петербургская верфи) стали костяком Северо-Западного района. Невьянский, Уктусский, Алапаевский заводы, к которым вскоре добавились Екатеринбургские, Толмачевский и Анненский, формировали Уральский горнометаллургический район. К концу века в России сложилось три мощных промышленных района – Центральный, тяготеющий к Москве и протянувшийся на юг до Липецка (получившего статус города в 1779 г.), Северо-Западный, тяготеющий к Петербургу, включавший Петрозаводск (основан в 1703 г.), Выборг (вошел в состав России в 1710 г.), и Уральский,

Рис. 2. “Корабельная” волна территориального развития России в XVIII в.

который вывел Россию в мировые лидеры по производству чугуна, вдвое большему, чем в Англии. Именно как центры черной металлургии почти одновременно основывались крупнейшие города Урала: Екатеринбург – в 1723 г., Нижний Тагил – в 1725, Челябинск – в 1736, а вокруг них сформировались центры металлургии второго порядка, например, Златоуст (1754 г.) и Миасс (1773 г.). К 1800 г. число предприятий черной металлургии, в основном посессионных мануфактур, превысило 150, но география отрасли, заданная тремя районами, сложившимися в первой четверти века, существенных изменений не претерпела [9, 10].

Земледелие на протяжении XVIII столетия сдвигалось на юг и восток. За первую четверть века сложились главные ареалы выращивания экспортных технических культур – конопли и льна. Конопля доминировала на более богатых почвах в полосе от Брянска до Волги через Калугу, Орел и Курск, Пензу. К ней тяготела часть полотняных мануфактур, возникших южнее, но не далеко от Москвы – в Боровске, Калуге, Серпухове. Ареал льноводства располагался севернее, в Нечерноземье, от Новгорода и Вологды на севере, до Смоленска, Ржева и Балахны на юге. Это сырье использовали полотняные мануфактуры Петербурга, Пскова, Вологды, Ярославля, а московские – располагались между двумя ареалами, скрепляя их в своеобразный единый макрорайон. Он был образован в XVIII в. волной освоения (менее мощной, но более широкой, чем в металлургии), разошедшейся от очага полотняно-парусного производства XVII в. – Москвы – на север, запад и юг. К XIX в. число полотняных заводов, преимущественно с крепостной рабочей силой, превысило три сотни [5,10,11].

В XVIII в. Россия не ушла с глобального рынка пушнины, что влияло в основном на ТР восточных районов. Продолжалось движение на восток – освоение тихоокеанских островов, побережья Аляски. Путь от Камчатки к Японии вдоль Курильской гряды был пройден и нанесен на карту в 1738–1739 гг. Пушной промысел начался в 1740-х гг. на Командорских островах, к 1765 г. промышленники открыли большинство Алеутских островов, в 1784 г. было основано первое постоянное поселение в Америке, на острове Кадьяк. В 1740 г. в Авачинской бухте Камчатки был основан Петропавловск. Тихоокеанской базой в XVIII в. оставался и Охотск, который в 1732 г. был формально утвержден портом со всеми штатами. За 1660–1849 гг. там было построено 70 парусных судов. Когда в 1799 г. создается Охотская военная флотилия, эти суда по указу комплектуются военной командой. На южном направлении развивается меновая торговля с Китаем через Кяхту (чай

за меха и кожи), денежный товарооборот там был запрещен [9].

XIX в. – территориальное развитие России как экспортера зерна и золота. *Территориальное развитие России в XIX в. обязано главным образом внутренним преобразованиям, а не внешним приобретениям, хотя пределы государства были заметно расширены на Юге, Северо-Западе и Дальнем Востоке. Но это не привело к радикальному изменению специализации страны. Прежние приоритеты сменялись новыми, связанными с глобальными рынками зерна и золота, постепенно*.

В первую половину века преобразования шли по пути, намеченному в XVIII в., то есть в поисках компромисса между крепостническими и капиталистическими тенденциями при постепенном усилении последних, выражавшихся в либерализации отдельных сторон хозяйственной жизни, не затрагивавшей основ крепостного строя. Подобная либерализация поиска и добычи драгоценных металлов, право на которые с 1812 г. предоставлялось "всем российским подданным", вызвала скачкообразный рост их добычи. В 1814 г. было получено 0.26 т золота, а в 1855 – уже 26.4 т, и страна вошла в глобальный "золотой клуб": в начале XIX в. ее доля в мировой добыче золота была ниже 1%, а к его середине достигла 41%. На короткий, 20-летний, период Россия стала мировым лидером, но затем последовал спад до 12.6% в 1851–1860 гг., и примерно на этом сравнительно скромном уровне вклад страны держался до XX в. Его снижение объяснялось не спадом добычи золота в России, а началом разработки ряда богатейших месторождений в Северной Америке, Австралии, Южной Африке [12].

В рамках реализации противоположных, крепостнических тенденций в развитии экономики, Россия, опираясь на заделы последней трети XVIII в., начала экспортировать зерно из осваиваемой преимущественно помещичьими хозяйствами европейской Черноземной зоны. После отмены хлебных пошлин в Англии со второй половины 1840-х гг. вывоз зерна становится основной статьей русского экспорта – с 1801–1805 по 1856–1860 гг. его доля увеличилась с 20 до 35%, а в весовом выражении он вырос в 3.5 раза. В первой половине XIX в., пока на морях доминировал парус, сохранял свое значение экспорт корабельных товаров, хотя в нем неуклонно падала доля промышленных изделий, особенно металлов. На глобальном рынке пушнины страна тоже выступала столь активно, что ставила под угрозу уничтожения ценные виды сибирской фауны (например, в 1851 г. пришлось запрещать охоту на речных бобров) [9].

Таким образом, на протяжении почти всей первой половины XIX в. Россия, сохраняя свои позиции крупного экспортера на важнейших в то время глобальных рынках корабельных товаров и зерна и на традиционном рынке мехов, стала к тому же обладателем возрастающих объемов золота, мировых денег. Но эти блага, получаемые верхушкой общества большей частью путем вовлечения в оборот все новых природных и людских ресурсов, повышения степени их эксплуатации на базе примитивных уже тогда технологий, обернулись "голландской болезнью". Ее симптомы очевидны в политике министра финансов империи в 1823–1844 гг. Е.Ф. Канкрина, при котором государственные доходы возросли в 2.5 раза. В такой политике отчетливо проявилось стремление тогдашнего правительства сдержать рост промышленного капитала путем почти полного прекращения кредитования промышленности, препятствовать деятельности частных банков и строительству железных дорог (по словам Е.Ф. Канкрина, "болезни нашего времени"), уделяя основное внимание устойчивости денег, ликвидации бюджетного дефицита, винным откупам и протекционистским тарифам [8].

Следствием сохранения крепостнических пережитков стали полувековое отставание России от Англии, тогдашнего мирового лидера, по срокам промышленного переворота, неразвитость банковской системы, биржевой торговли и внутреннего рынка в целом. Поражение в Крымской войне 1853–1856 гг. привело Российскую империю к финансовому краху, принудив правящие классы к форсированному преобразованию страны на капиталистических началах.

Третья четверть XIX в. была посвящена именно таким неотложным "Великим реформам". Их не всегда последовательный и комплексный характер был связан не только с сопротивлением косной верхушки, но и с накопленной технологической отсталостью и с расстройством финансовой системы. В результате жизненно важное для страны решение крестьянского вопроса на путях капиталистического преобразования сельского хозяйства затянулось на полвека – от освобождения крестьян за выкуп в 1861 г. до столыпинских реформ. Ради удорожания земли и удешевления крестьянского труда, теперь наемного, в Европейской России сановное лобби затрудняло переселение крестьян из малоземельных регионов.

Железнодорожный и промышленный бумы последних десятилетий XIX в. были сопряжены

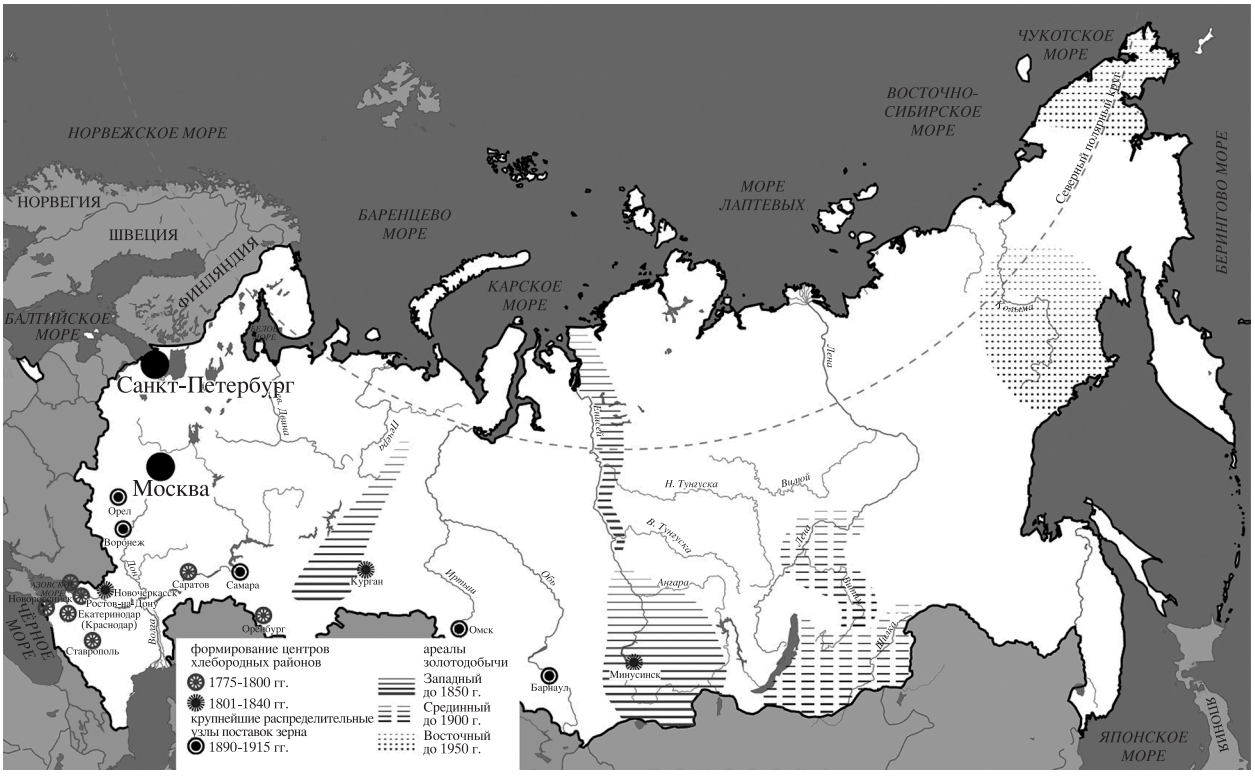

Рис. 3. "Золотая и хлебная" волны территориального развития России в XIX – первой трети XX в.

с моделью государственного капитализма (бюджетное финансирование масштабных инфраструктурных проектов, выкуп в казну частных железных дорог, размещение казенных заказов на частных предприятиях). Иностранные вложения в российскую экономику рассматривались при этом как "единственный способ доведения нашей промышленности до требуемого уровня", как выразился С.Ю. Витте в докладе Александру III. Стержнем всей экономической политики стала денежная реформа 1895–1897 гг. с приданием рублю золотого паритета, подготовка которой – накопление золотого запаса, достижение устойчиво позитивного платежного баланса и бездефицитного бюджета – велась с начала 1880-х гг. [6].

Западные инвестиции обеспечили резкий подъем ряда отраслей тяжелой индустрии, особенно черной металлургии и машиностроения; в этих отраслях и в кредитной сфере иностранные инвестиции преобладали. К 1910 г. в общем объеме акционерного капитала они составляли примерно треть. Вместе с тем преодолеть последствия "голландской болезни" только методами финансово-денежной политики, без активной промышленной, за вторую половину XIX в. не удалось – если в конце XVIII в. по производству чугуна Россия опережала Англию, то в начале XX в. по производству стали она в 8 раз уступала Германии [5,13].

В XIX в. продолжалось сельскохозяйственное освоение Причерноморья, начавшееся в последней четверти XVIII столетия. Выход на новый, главный для страны глобальный рынок – хлебный – обеспечивался мощной волной урбанизации черноземной полосы России от Курска до Минусинска и сопровождался сменой главных регионов-поставщиков, организующих центров и портов отгрузки. Восток страны вслед за "золотой" волной освоения захватила "хлебная" (рис. 3).

Вехой, ознаменовавшей окончание первой полувековой "хлебной" волны освоения черноземных территорий, можно считать 1838 г., когда был основан Новороссийск, "ворота" вывоза хлеба с Кубани и Ставрополья. Он завершил формирование сети черноморских и азовских портов, возникших преимущественно в последней четверти XVIII в., как и целый ряд центров хлеборобных областей. В 1842 г. действие правил об общем порядке переселения казенных крестьян, изданных в 1824 и 1831 гг., распространили на Сибирь, что позволило развернуть поток миграций выходцев из малоземельного Нечерноземья с причерноморского юга на восток страны.

В 1814 г. на Урале были найдены первые в стране богатые залежи россыпного золота. До этого, в течение всего XVIII в. золото добывалось только на рудниках из коренных месторождений или

извлекалось попутно. Одновременно с интенсивной золотодобычей на Урале геологоразведочные работы, а затем и добыча золота продвигались на восток: с 1826 г. были впервые предоставлены права на поиск золота в Тобольской губернии, в 1840 г. открыта система золотых приисков на севере Енисейского округа, в 1846 г. золото нашли в Ленском округе, в 1878 г. – в Забайкалье. На Чукотке золото было открыто в 1900 г. и стало разрабатываться с 1902 г. Таким образом, с 1830-х гг. от Урала до Тихого океана прошла вторая, "золотая" волна освоения Сибири – примерно в той же последовательности и примерно за такой же полувековой период, что и первая, "меховая". Золотодобывающая промышленность стала ведущей в дореформенной Сибири. По объему продукции частная золотодобыча опережала там в 1860 г. все прочие отрасли промышленности вместе взятые [9].

К Уралу и Алтаю, как районам добычи золота с середины XVIII в., добавились еще три значительных района – Енисейско-Саянский, Приамурский и Ленский. Центр золотодобычи переместился с Урала в Сибирь, откуда к началу XX в. поступало 70% золота страны, при этом 92% его добычи приходилось на россыпное золото [9,12].

В пореформенный период "золотую" волну освоения Сибири догнала сельскохозяйственная из Европейской России. Дойдя там до естественных пределов, она исчерпала южную составляющую вектора ТР и вынужденно повернула на восток. В Западной Сибири начался аграрный бум. В 1913 г. сельское хозяйство давало 2/3 продукции района; здесь оно специализировалось на зерновом земледелии и мясомолочном животноводстве. Волна аграрного освоения южных районов Сибири и Дальнего Востока достигла своего пика уже в ходе столыпинских реформ и железнодорожного строительства – если за 1861–1885 гг. в Сибирь переселились около 300 тыс. крестьян, причем около 80% их осело в Западной Сибири, то с 1907 по 1914 гг. приток превысил 2.5 млн чел., значительная часть которых заселила районы Забайкалья, Приамурья и Приморья [9].

К концу XIX в. основным районом зернового экспорта России стал юг ее Европейской части, дававший пшеницу и ячмень, главные экспортные культуры. Донская и Кубанская области вышли в абсолютные лидеры как по производству товарного хлеба, так и по его экспорту [4].

В первой половине XIX в. основными видами транспорта оставались водный и гужевой. Однако затем на ход второй полувековой "хлебной" волны и связанной с ней урбанизации сильно повлияли рельсовые пути. В 1860–1870-х гг. по мере их строительства в Европейской части страны сформировался остов сети железных дорог, соединивших основной внутренний потребительский рынок – Москву – с рядом хлебопроизводящих районов Черноземья, Поволжья, Кавказа и с черноморскими портами, как ранее с Петербургом, основным балтийским портом. Строительство в 1890-х гг. магистральных железных дорог вело к концентрации грузо- и пассажиропотоков и способствовало росту тех крупных городов хлеборобных районов, которые, находясь в узлах таких магистралей или на пересечении ими судоходных рек, превращались в товарно-распределительные центры и выводили свои районы на рынки, в том числе внешние. Образцами таких "хлебных" городов были Орел, Воронеж, Ростов-на-Дону, Самара, Саратов, Омск, Барнаул. Пример Великой Сибирской магистрали показывает, как строительство таких дорог способствовало росту городов и товарности производства [2].

XX в. – территориальное развитие России как экспортера золота и углеводородов. *Последовательный курс на экономическую автаркию – сначала в рамках "отдельно взятой страны", а после Второй мировой войны в рамках "мировой социалистической системы" – задал основное направление территориального развития нашей страны в советский период.* Курс на автаркию означал форсированное развитие внутреннего, прежде всего межрайонного, разделения труда вместо международного, при ослаблении внешнеэкономических связей. После Второй мировой войны этот курс был распространен на регион, охваченный международным социалистическим разделением труда. Совет экономической взаимопомощи (СЭВ) строился как пространство бартерно-клирингового обмена с ценообразованием, "учитывающим цены мирового рынка".

Характерно, что наибольших относительных успехов в своем развитии и сокращении отставания от мировых лидеров СССР добился в межвоенный период, когда во всей мировой экономике преобладали автаркические тенденции. Идеологический догматизм, жесткость внешней и внутренней политики, инертность позднесоветского руководства не позволили стране эффективно воспользоваться благоприятными возможностями, предоставившимися в связи с бурным развитием и углублением мирового разделения труда в последней трети XX в. Напротив, скачкообразный рост мировых цен на нефть в 1970-х гг., вызвав приступ "голландской болезни", окончательно лишил руководство СССР стимулов к реальным экономическим реформам. В итоге страна оказа-

лась жертвой способа своего участия в глобальных рынках, и Российской Федерации к началу XXI в. пришлось включаться в глобальные рынки во многом заново, в условиях глубокого кризиса экономики и неразвитости рыночных инфраструктур.

Развитие машиностроения, группы отраслей, требующих максимально глубокого разделения труда, в том числе и территориального, превращение СССР "из страны, ввозящей машины, в страну, производящую их", было избрано тем "основным звеном", которое вытянуло в кратчайшие сроки всю социалистическую реконструкцию страны, все отрасли "группы А", отчасти стимулируя "группу Б" и обеспечивая сельскохозяйственной техникой коллективизацию. Этот замысел был в основном осуществлен за две первые пятилетки, когда и произошли коренные структурные сдвиги, в том числе территориальные.

Отработанный в 1930-х гг. сценарий догоняющего развития страны еще не раз повторялся, но на инерционной основе: система стремилась не к модернизации, а к воспроизводству унаследованных структур. Реальные преобразования осуществлялись не столько по внутриэкономическим, сколько по военно-политическим мотивам. Повторялся и поиск "основного звена", форсированное развитие которого позволило бы вытянуть на требуемый уровень все хозяйство СССР. Таким звеном в 1970–1980 гг. стал нефтегазовый комплекс, выбор которого был далек от заветов прогрессистской и автаркической экономической политики 1930–1960 гг., зато казался более простым в реализации и быстро приносил ощутимые политические и экономические выгоды.

Аграрная политика на протяжении десятилетий проводилась в СССР, исходя из задач, лежащих вне собственно хозяйства и рынка (жесткий социально-политический контроль, обеспечение индустриализации рабочей силой, продовольствием, валютой). На развитии сельского хозяйства отчетливо сказались такие особенности советской экономической политики, как доминирование политических мотивов, догматизм, стремление к повышению мобилизационного потенциала за счет воспроизводственного, стратегия "основного звена" при забвении прочих. Такая политика практически игнорировала социальную и технологическую специфику агросектора и вела к тому, что на протяжении всего советского периода сельское хозяйство либо находилось в кризисе, либо его преодолевало. Результат четко прослеживается во внешней торговле хлебом – не случайно последние крупные экспортные поставки хлеба из СССР пришлись на довоенный период (главным образом, еще первую пятилетку). С 1960-х гг. начался рост его импорта – сначала эпизодического, затем уже регулярного.

По мере роста импорта зерна таял накопленный с трудом и жертвами золотой запас страны. Все та же логика "основного звена" в послесталинской экономической политике – вопреки вековым попыткам диверсифицировать участие страны в глобальных сырьевых рынках – обделяла вниманием не только сельское хозяйство, но даже золотодобывающую отрасль, явно предпочитая ей нефтегазовую. В 1974 г. СССР вышел на первое место в мире по добыче нефти, а в 1983 г. – газа [14]. Главным источником доходов стали поступления от их экспорта. И с середины 1970-х гг. начало казаться, что такая политика себя оправдывает – мировые цены на углеводороды быстро росли, далеко опережая цены на продовольствие. Ситуация изменилась, когда в конце 1980-х гг. "ножницы цен" стали расходиться в обратную сторону. Зависимость от нефтяных доходов и импорта зерна стала оказывать все более негативное воздействие на социально-политическую, а затем и на геополитическую устойчивость СССР.

Значительная трансформация территориальной структуры страны как следствие ее выхода на глобальные рынки нефти и газа произошла во второй половине XX в. В первой же его половине эта структура менялась под влиянием рынков золота и леса.

В 1930-х гг. на северо-востоке страны был создан четвертый район золотодобычи – (Верхне) Колымский, завершивший вековую "золотую" волну освоения Сибири, но уже на крупнопромышленной технологической, и на "дальстроевской" организационной основе. "Столица колымского края" Магадан, основанный в 1929 г., получил статус города в 1939 г. Спецтрест "Дальстрой", базировавшийся там, уже в 1935 г. вышел на уровень годовой добычи золота в 25 т [7] (вся Сибирь до Первой мировой войны давала примерно 35 т золота [12]). Сдвиги в территориальной структуре, связанные с другим глобальным рынком, лесным, затронули в первой половине XX в. европейский Север. Благодаря развитию его ориентированной на экспорт лесной промышленности вывоз из СССР древесины к началу 1930-х гг. по стоимости равнялся вывозу нефти.

Нефть в предгорьях Северного Кавказа (Майкоп, Грозный) добывали с начала XX в., но объемы добычи, сделавшие Россию (РСФСР) ведущим поставщиком углеводородов на глобальный рынок, были достигнуты только во второй его половине

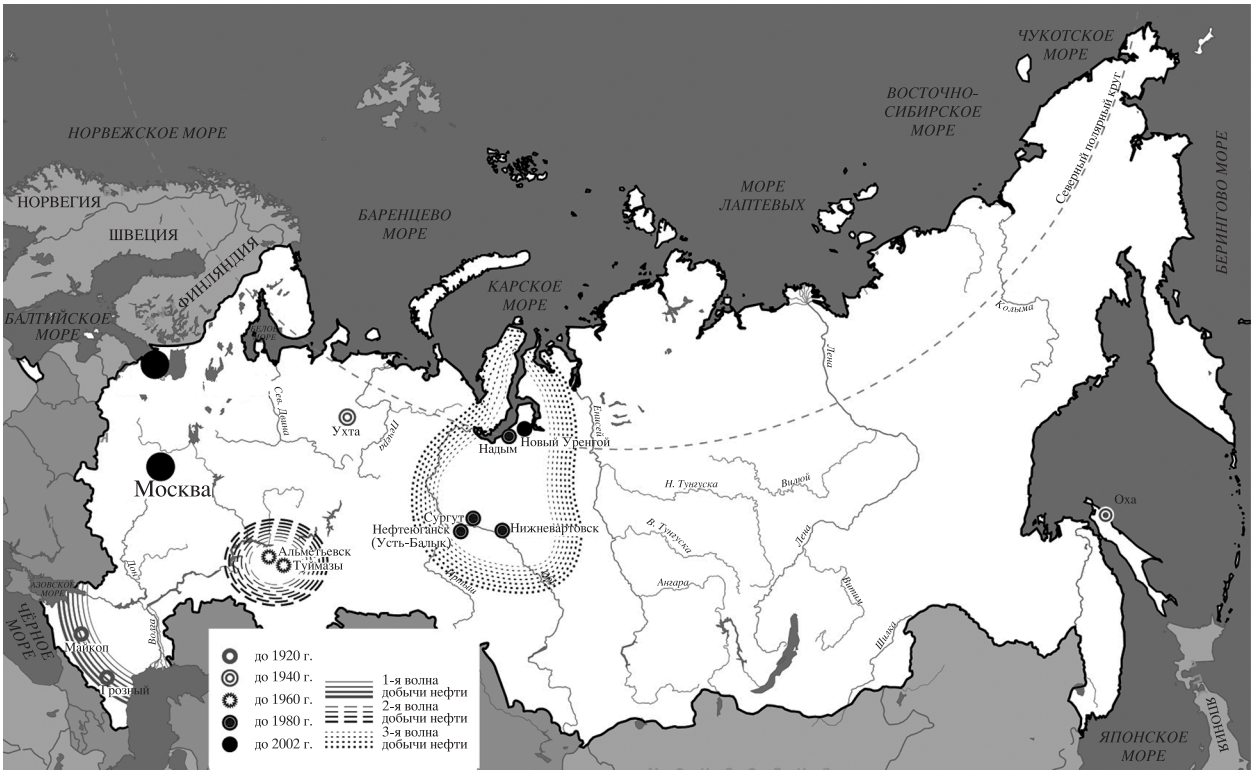

Рис. 4. "Нефтегазовая" волна территориального развития России в XX в.

за счет освоения Волго-Уральского и Западно-Сибирского бассейнов. Их последовательное освоение задало главный вектор "нефтяной" волны ТР в XX в. В 1940 г. в РСФСР добыли 7 млн т нефти, в 1950 – 18.2 млн т. Освоение месторождений Волго-Уральского бассейна позволило увеличить добычу нефти в РСФСР за следующее десятилетие почти в 10 раз, до 119 млн т в 1960 г., а затем – в 2 с лишним раза, до 285 млн т в 1970 г. С середины 1970-х гг. главной нефтяной базой стала Западная Сибирь, и к 1980 г. добыча снова почти удвоилась (547 млн т). В 1980-е гг. в большинстве старых промысловых районов она уже сокращалась, но в целом по РСФСР, благодаря наращиванию объемов производства в Сибири, достигла в 1988 г. своего исторического максимума – 569 млн т. Последовавшее затем снижение – до 516 млн т в последнем "советском" 1990 г. [14] – знаменовало окончание первого полувекового этапа "нефтяной" волны ТР России (рис. 4).

Старейшее нефтяное месторождение Волго-Уральского бассейна – Ишимбаевское – открыли в 1932 г., через четыре года оно давало 1 млн т. В 1940–1950-х гг. район пополнялся все новыми промыслами. Урало-Поволжье стало узлом магистральных нефте- и газопроводов, включая международные. В 1960–1964 гг. от Альметьевска в ВНР, ГДР, ПНР, ЧССР протянулась первая нитка нефтепровода "Дружба". К концу 1970-х гг. в страны СЭВ стал поступать газ из Оренбурга. Пик добычи "Второго Баку" (как образно называли Урало-Поволжье) прошел в 1970-е гг., но и в середине 1990-х гг. там еще добывали примерно 70 млн т нефти [14].

В Западной Сибири планомерные поиски нефти и газа велись с 1948 г. и увенчались успехом (по газу) в 1950-х гг. В 1960-е гг. в Среднем Приобье были открыты залежи нефти мирового значения, Тюменская область начала давать более половины советской нефти. С 1962 г. в заполярной тундре стали осваиваться уникальные газовые месторождения. Внутри Западно-Сибирского бассейна сложилось свое широтное разделение труда с машиностроительной и сельскохозяйственной базой на юге, нефтедобычей, транспортом, энергетикой в срединной части и газовой специализацией севера. Потребовалось комплексное освоение территории и развитие инфраструктуры – железных дорог (Тюмень – Сургут в 1966–1973 гг.), мощной энергетики (ГРЭС Сургута и Нижневартовска), жилья и социальных объектов [2]. Надым получил городской статус в 1972 г., отсюда берет начало газопровод на Урал – Поволжье – Центр. По газопроводу "Западная Сибирь – Западная Европа" в год экспортировалось до 30 млрд. м³ природного газа [14].

Начавшийся в 1990-е гг. второй этап ТР лучше обозначить не как “нефтяной”, а как “углеводородный”. Для него стало характерным доминирование добываемого газа над нефтью – в силу лучшего соотношения долей России в мировых запасах и добыче именно природного газа (в сравненении с аналогичными показателями по нефти), а также вследствие различия организационных структур газовой (с преобладанием государства, особой ролью “Газпрома”) и нефтяной (преимущественно частной) промышленности. Добыча газа после спада в период “рыночных реформ” 1990-х гг. снова растет, превысив уровень 1990 г. А вот нефти Западная Сибирь дает теперь меньше, чем в позднесоветские годы; в 2000-е гг. прирост добычи нефти показывали только Тимано-Печорский бассейн, шельф Сахалина, Восточная Сибирь. В двух первых районах она велась с довоенного времени в незначительных масштабах (на Северном Сахалине с 1920-х гг. до 1945 г. нефть по концессии добывали японцы) [14].

Основные выводы. Участие в глобальных сырьевых рынках веками оказывало значительное влияние на территориальное развитие России. Ее современное пространство по размеру и характеру территориальной структуры во многом есть результат этого влияния. В долговременной ретроспективе территориальное развитие России можно представить как последовательную смену нескольких “волн”. Вхождение России на каждый новый глобальный сырьевой рынок формировало свою “волну”, которая более или менее последовательно продвигалась с запада на восток в течение примерно векового периода.

Выделяются четыре крупнейших историко-географических макрорегиона России, демонстрирующих внутреннюю общность, специфику урбанизации и эволюции территориальных структур хозяйства и сформировавшихся во многом благодаря участию в определенных глобальных сырьевых рынках. Таковы: 1) Север, прежде всего, сибирский (рынки мехов, золота, углеводородов, соответственно, в XVII, XIX, XX вв.); 2) Нечерноземный Центр – Северо-Запад – Урал (рынок “корабельных товаров” в XVIII в.); 3) Черноземный Центр – Юг – Среднее и Нижнее Поволжье – юг Западной Сибири (рынок хлеба конца XVIII–XIX вв.); 4) Дальний Восток (рынки мехов, золота, углеводородов при запаздывании соответствующей волны освоения в XVIII и в конце XIX–XX вв.).

Участие в глобальных рынках сырьевых товаров служит интересам устойчивого комплексного развития страны, в том числе и территориального, когда его стимулирует, направляет, корректирует активная и адекватная ситуации технологическая, экономическая, территориальная политика. Но превращение подобного участия в самодостаточное неизбежно ведет к “голландской болезни”, что в рассматриваемый период происходило дважды – в первой половине XIX и во второй половине XX вв.

С вхождением в каждый следующий глобальный сырьевой рынок, становившийся основным, Россия обычно не покидала рынков, оформившихся в предшествующие века, тем самым диверсифицируя свое участие в глобальном разделении труда в сырьевом секторе. Единственное серьезное отступление от этого правила имело место во второй половине XX в., когда наша страна перестала вывозить зерно и, наоборот, стала зависимой от его импорта; к сожалению, в этом случае “голландская болезнь” не только затронула технологическое развитие, но перекинулась и на традиционные жизнеобеспечивающие отрасли экономики, что вскоре возымело непосредственные и тяжелые для страны геополитические последствия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бродель Ф.* Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. 3. М.: Прогресс, 1992. 680 с.
2. *Зензинов Н.А.* От Петербург-Московской до Байкало-Амурской магистрали. М.: Транспорт, 1986. 216 с.
3. *Иголкин А.А., Мотылев В.В.* Международное разделение труда: модели, тенденции, прогнозы. М.: Международные отношения, 1988. 184 с.
4. *Кондратьев Н.Д* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М.: Наука, 1991. 487 с.
5. *Лященко П.И.* История русского народного хозяйства. Т. 1, 2. М.: Госиздат, 1956. 324 с.
6. Министерству финансов России 190 лет // Специальное приложение к журналу “Финансы”, 1993. 96 с.
7. *Моруков М.Ю.* Правда ГУЛАГа из круга первого. М.: Алгоритм, 2006. 192 с.
8. Политическая экономия // Экономическая энциклопедия. Т. 2. М.: Сов. энциклопедия, 1975. 560 с.
9. Сибирь в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.
10. *Сметанин С.И.* Экономическая история России. Период феодализма. – М.: Экономика, 1992. 187 с.

11. *Сметанин С.И.* История промышленного предпринимательства в России. Мануфактурный период предпринимательства. М.: ОЛМА, 1996. 192 с.

12. Современный рынок золота / Под. ред. Букато В.И. и Лапидуса М.Х . М.: Финансы и статистика, 2004. 320 с.

13. *Струмилин С.Г.* Очерки экономической истории России и СССР. М.: Экономика, 1966. 246 с.

14. *Судо М.М., Судо Р.М.* Нефть и углеводородные газы в современном мире. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 256 с.

Territorial Development of Russia as a Leading Exporter on Global Commodity Markets

A.B. Savchenko

Centre of Situation Monitoring and Regional Studies of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article discusses the influence of Russia's participation on global commodity markets as the leading exporter on its territorial development. Survey of four centuries shows that in the 17th century the export of furs was the most important, in the 18th century – of "ship goods", in the 19th century the export of grain joined the export basket of the country, as well as gold, in the 20th century oil and gas became key export commodities. It is shown that consequent waves of development and urbanization of the country were related with export of these goods on global markets. Four major historic-geographical macroregions of Russia are identified, where urbanization and evolution of territorial structure of the economy were largely formed by the participation on the relevant global markets and intense wave of territorial development in corresponding centuries.